

ПОДЪЁМ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ ШАХТЁРОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ (1992–1997 гг.)

Рассматриваются причины, факты и тенденции подъёма протестного движения шахтёров в постсоветской России. Показывается, как в течение 1992–1997 гг. от малозаметных акций протеста экономического характера горняки пришли к общероссийским стачкам и радикальным методам борьбы, направленным против Правительства и Президента Российской Федерации. Делается вывод о том, что к началу 1998 г. сформировалась достаточная для мощного шахтёрского взрыва социально-экономическая и политическая база.

Ключевые слова: Россия; шахтёры; протесты; подъём.

Трансформационные процессы постсоветского периода снизили исследовательский интерес к рабочим, их жизни и деятельности. Существенное изменение тематического вектора исторических исследований оставило в тени многие вопросы рабочего движения, которое в 1990-е гг. продолжало играть значимую роль в общественно-политических процессах. Как и накануне, в центре рабочего движения постсоветской России были шахтёры. Однако их участие в протестном движении трудящихся и пенсионеров страны выглядело уже не так единодушно, как в годы перестройки. Это явилось ключевым фактором роста исследовательского интереса к шахтёрской борьбе. Сегодня в исторической науке имеются противоположные точки зрения на место и роль протестного движения рабочих угольной промышленности в общественно-политической жизни постсоветской России. Либерально ориентированные учёные оценивают рассматриваемый период как кризисный в шахтёрском движении [1, 2]. Сторонники левых взглядов, напротив, считают новый подъём протестного движения горняков вполне закономерным и символическим [3; 4; 5. С. 91–98].

Противоречивость многих исторических явлений и процессов, получивших отражение в ходе подъёма протестного движения шахтёров (выбор форм и методов борьбы, градус недовольства и т.д.), хорошо просматривается в источниковой базе исследования. Его основой стали делопроизводственные документы (постановления, письма, протоколы, справки, отчёты, телеграммы, обращения), отложившиеся в федеральных, региональных и муниципальных архивохранилищах. Благодаря им мы имеем возможность определить причины и факторы динамики борьбы. В рассматриваемое время многочисленным и влиятельным шахтёрским профсоюзом был Росуглепроф. Важная информация о коллективных действиях членов этого профсоюза получена из его текущего архива. Особенности динамики и сравнительный анализ по углепромышленным регионам позволили получить данные статистики.

Основополагающей целью исследования является показ динамики протестного движения шахтёров в 1992–1997 гг., т.е. в период, когда формировалась новая концепция отстаивания трудовых прав и интересов трудящихся России в новых либерально-демократических условиях.

Определение данной динамики является непросто задачей по двум причинам. Во-первых, она не

имела чётко выраженного общероссийского характера. Борьба была особенно заметна там, где имелась высокая концентрация важных угледобывающих предприятий. Это были территории крупнейших угольных бассейнов – Кузбасса, Печорского бассейна, Российского Донбасса и Приморья [6. С. 32]. Они в большей мере испытали негативные последствия реструктуризации угольной промышленности, в отличие, например, от Восточной Сибири, где было не так много убыточных шахт [7]. Однако даже там протестное движение протекало неоднозначно. Шахтёрские города и посёлки ведущих углепромышленных регионов отличались неравномерностью экономических и социальных проблем, неодинаковой степенью воздействия на них политических факторов. Поэтому были центры шахтёрской борьбы и «периферия», где акции протеста почти всегда имели пассивный, оборонительный характер. Во-вторых, динамика борьбы российских шахтёров не имеет чёткого статистического измерения. Официальная статистика даёт нам конкретные данные только об одной, хоть и самой популярной форме протеста, – забастовке. При этом полученная информация указывает на то, что многие остановки производства, особенно в начале 1990-х гг., проходили без выполнения необходимых формальных процедур, т.е. были незаконными. Поэтому данные статистики являются ценными, но далеко не бесспорными.

Важной особенностью протестного движения рассматриваемого времени, которая серьёзно отличает его от забастовок 1989–1991 гг., является активное использование разнообразных форм и методов борьбы. Начиная с 1992 г. горняки широко использовали не только забастовку, но и другие, в том числе «инновационные», формы протеста (например, подземные «забастовки»). Их содержание со временем усложнялось, а эффект был порой выше, чем от масштабных стачек. Отсутствие корреляции между публичными формами протеста (митинги, пикетирования, голодовки и т.п.) и забастовками хорошо отражено в работе И. Задорина и Д. Стребкова [8. С. 68], что подчёркивает значимость проведённого исследования.

Подъём протестного движения шахтёров хронологически совпадает с нарастанием в постсоветской России социально-экономической и общественно-политической нестабильности. Новая российская власть столкнулась со многими до того неизвестными проблемами, которые были напрямую связаны с реализацией непопулярной экономической политики под названием «шоковая тера-

пия». Она стала осуществляться с 1992 г., что и определило нижнюю хронологическую границу борьбы горняков за свои трудовые права и интересы. Окончанием первого этапа следует считать 1997 г., когда все попытки горняков решить свои проблемы цивилизованным, законным способом оказались тщетными, а Президенту Б. Ельцину почти никто не верил.

Протестное поведение шахтёров в первые месяцы либеральных преобразований выглядело парадоксальным. Социально-экономическая обстановка в стране стабильно ухудшалась и выглядела значительно острее, чем в конце 1980-х гг., когда в СССР развернулось масштабное забастовочное движение. В то же время акции протеста горняков в начале 1992 г. имели эпизодический и кратковременный характер.

Борьба рабочих угольной промышленности приняла затяжной характер, что свидетельствует о долгом «созревании» их недовольства, постепенной трансформации политических взглядов и подходов в борьбе за свои трудовые права. Затянувшийся процесс борьбы объясняется существованием целого ряда сдерживавших её причин и факторов: чувством ответственности шахтёров за демократические и рыночные преобразования в стране, сравнительно высокой заработной платой, дефицитом солидарности, усилиями руководителей углепромышленных регионов, высокой поддержкой государства и др. Протестная инертность стала следствием и чрезмерной самонадеянности шахтёров. В начале 1990-х гг. многие из них всё ещё считали себя силой, способной быстро и серьёзно влиять на политику страны [9. С. 36].

Однако нельзя утверждать, что шахтёры в первые месяцы переходного периода были абсолютно пассивны в отстаивании своих трудовых прав и интересов. Отдельные, пусть и непродолжительные, выступления в форме забастовок, в том числе и с целью остановить высокие темпы инфляции, имели место уже в январе 1992 г. Но они, в общем, остались незамеченными Кремлём. По сути, рабочим угольной промышленности был дан сигнал, что с данного момента они уже оказались «по разную сторону баррикад». Шахтёрским ответом стали попытки организовать, выступить единым фронтом, определиться с перечнем требований и т.д. В начале года это происходило на уровне отдельных территорий. Вместе с тем борьба в большей мере была вызвана причинами, которые не являлись системными, — это «несправедливая разница в оплате труда между рабочими разных профессий», задержки заработной платы из-за нехватки весной–летом 1992 г. наличных в отделениях Сбербанка РФ и др. Виновниками кризисных ситуаций, как правило, признавались руководители угледобывающих предприятий, местные госчиновники и др. С ними и вели переговоры представители бастующих коллективов.

Весной 1992 г. горняки стали осознавать кризисное положение в угольной промышленности, потерю своих социально-экономических преимуществ. Их борьба становилась всё более динамичной. Нарастание протестных настроений и действий обуславливалось многими в большей степени объективными, а также субъективными факторами. Из объективных

наибольшее влияние оказывали такие, как отсутствие на государственном уровне чёткой программы действий по реформированию шахтёрской отрасли, сокращение угледобычи и связанные с этим социально-экономические проблемы горняков и их семей, а также отсутствие эффективного механизма разрешения социально-трудовых конфликтов. Из субъективных факторов более других инициировали шахтёрскую борьбу такие, как снижение жизненного уровня, разочарование в результатах забастовочного движения 1989–1991 гг., рост недоверия внутривластным курсу Президента и Правительства РФ, высокая степень смелости и уверенности в собственных силах.

В июне 1992 г. забастовки стали приобретать массовый характер, вплоть до масштабов отдельных объединений, таких, например, как «Гуковуголь» [10. С. 1]. Тревожным звонком для всех стали и впервые прозвучавшие в то время призывы к использованию в углепромышленных регионах таких радикальных способов борьбы, как, например, «рельсовая война». С данным призывом выступили интинские горняки, однако шахтёрские коллективы других угольных бассейнов в тот момент их не поддержали. В Кузбассе, например, перекрытие железных дорог было категорически отвергнуто [11]. Эти и другие события указывают на два важных обстоятельства в развитии протестного движения шахтёров: во-первых, рабочие Российского Донбасса и Печорского угольного бассейна в то время имели самый высокий уровень протестных настроений, во-вторых, можно утверждать о первых попытках горняков организовать оппозиционные общероссийские акции протеста.

Высокая численность шахтёров страны, наличие такой ударной силы, как рабочие комитеты, обновлённые профсоюзы, и другие факторы вселяли надежду на возможность решения вопросов угольной промышленности посредством увеличения забастовочной активности. Остановки угледобычи приобретали всё более продолжительные сроки, даже на таких перспективных шахтах, как, например, «Воргашорская». Её трудовой коллектив находился в состоянии забастовки более двух месяцев [12. Л. 7]. При этом значимых причин для проведения многодневных забастовок в то время не только на этой, но и многих других шахтах не было. На «Воргашорской», с одной стороны, имело место противостояние трудового коллектива, забастовочного и профсоюзного комитетов и директора шахты — с другой, а в его основе была борьба за власть на предприятии. Этот и другие факты указывают на то, что многие из рабочих всё ещё находились под «гипнозом» забастовочного движения перестроечной поры. Как и тогда, был важен не результат, а процесс, который не всегда соответствовал реальной борьбе за трудовые права и интересы [13. С. 126].

В 1993 г. продолжились падение угледобычи, а также нарастание таких социальных проблем, как отставание уровня заработной платы от высоких темпов инфляции, появление задержек «кровно заработанных», рост безработицы и т.д. Действенных мер со стороны органов власти и управления не следовало, что озлобляло шахтёров и инициировало усиление

протестного движения с их стороны. Однако отдельные забастовки не имели серьёзного эффекта, а организовать мощное стачечное движение не удавалось, прежде всего, по причине отсутствия единства в этом вопросе между двумя шахтёрскими профсоюзами – Независимым профсоюзом горняков (НПГ) России и Росуглепрофом. В этих условиях расширяется арсенал форм и методов борьбы горняков. Помимо забастовок, они стали активнее использовать судебные иски, митинги и пикеты. Появилась в том году и такая новая форма борьбы, как подземная забастовка. Между тем, несмотря на определённое разочарование в результатах использования забастовки как формы протеста, она сохраняла своё доминирующее положение в шахтёрской борьбе, перерастая порой в организованную стачку.

Заметную протестную активность шахтёры стали проявлять весной 1993 г. в связи с ухудшением финансирования отрасли. Под давлением с мест менялась позиция НПГ России, его лидеры полностью поддерживали требования рабочих и выступили за проведение единых протестных действий. Символичным в июне того года стало пикетирование здания Правительства России, где уже присутствовали оппозиционные лозунги (повышение зарплат, корректировка курса реформ и др.) [14]. Однако среди горняков не было единства взглядов на стратегию и тактику борьбы (требования, выбор формы протеста и др.). Против забастовок и других форм борьбы тогда выступило руководство Росуглепрофа, подписавшее тарифное соглашение с Правительством РФ и не желавшее «попасть под влияние» каких-либо политических сил [15. С. 2].

В такой ситуации возросла роль Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР), которая пыталась взять на себя функции выразителя интересов всех трудящихся. В середине июля 1993 г. её совет принял решение о коллективных выступлениях профсоюзов в отраслях и регионах [16. С. 60]. Горняки морально поддерживали действия ФНПР, но активного участия в межотраслевых акциях протеста не приняли. Большинство из них являлись членами Росуглепрофа, поэтому ориентировались на его решения, которые в тот момент были не в пользу активных действий.

Вскоре Росуглепроф заявил о себе как о силе, способной сплотить шахтёрское сообщество. В начале сентября 1993 г. по его призыву горняки провели масштабную, хотя и кратковременную, стачку. В вопросе масштабности данной акции протеста есть заметные расхождения. В совместной работе Ю. Миловинова и А. Крестьянинова говорится о том, что в те дни остановили работу 98 шахтёрских коллективов Сахалина, Приморья, Инты, Перми, Тулы, Ростова, Свердловской и Кемеровской областей и др. [Там же. С. 60]. Более весомые цифры представляет текущий архив Росуглепрофа. Из его материалов следует, что в данной «забастовке приняли участие 237 шахт и разрезов (67%), 156 обогатительных фабрик, заводов, погрузочно-транспортных управлений и шахтостроительных организаций и 500 тыс. рабочих» [17. С. 3]. Думается, последние цифры выглядят более правдиво, а в основе такого расхождения – официальная и

неофициальная статистика. Как было замечено выше, большинство шахтёрских забастовок в то время не соответствовало требованиям закона.

Даже если брать во внимание минимальные показатели, можно смело утверждать, что это было первое крупное противостояние шахтёров и Правительства РФ в вопросе соблюдения обязательств по Отраслевому тарифному соглашению (ОТС). Ещё более важным является то, что всероссийская забастовка дала определённые положительные результаты: Правительство РФ выполнило свои обязательства по ОТС, стали возвращаться долги шахтёрам, возобновилось финансирование угольной отрасли в полном объёме [18. С. 155]. Таким образом, осенью 1993 г. шахтёры вновь показали себя как общественно-политическую силу, обладающую мощным протестным потенциалом. С того времени их общероссийские акции протеста стали регулярными.

После октября 1993 г., по мере формирования новой социальной структуры российского общества, социальная напряжённость в целом стала спадать, локализуясь в отдельных отраслях и регионах [19. С. 65]. В их числе оказались и углепромышленные территории, несмотря на то, что Правительству РФ удалось изыскать средства для решения неотложных шахтёрских проблем. В конце 1993 г. вспыхнула очередная всероссийская забастовка горняков. Она началась шестого декабря и продолжалась в течение нескольких дней. В забастовочных действиях участвовали 12 шахт и 3 шахтостроительных управления комбината «Печоршахтострой» Воркуты, 4 шахты и 1 разрез в Челябинске, 5 шахт и шахтостроительных управлений в Североуральске [16. С. 61; 20. С. 53], т.е. там, где были сильны позиции НПГ России.

В свою очередь, Росуглепроф, «учитывая предвыборную кампанию, попытки отдельных партий, движений, личностей разыграть профсоюзную шахтёрскую карту, счел нецелесообразным проведение коллективных действий на период выборов» [21. С. 1]. После переговоров всех заинтересованных сторон, 10 декабря бессрочная забастовка была приостановлена [20. С. 54]. Несмотря на свою ограниченность, всероссийская акция протеста горняков обозначила нарастание системных проблем в угольной промышленности, необходимость её мобильного и реального реформирования.

В 1994 г. не было длительного отрезка времени, когда не бастовала хотя бы одна шахта. Правы те исследователи, которые считают, что в том году закончился период, когда горняки имели «выжидающую» позицию в отношении результатов экономических реформ Б. Ельцина [22. С. 25]. Отдельные факты финансовой поддержки не решали коренных потребностей угольщиков. Продолжался рост задолженности по заработной плате шахтёрам, распространялись воровство и коррупция на предприятиях, сокращалась угледобыча. Начавшаяся в том году реструктуризация угольной промышленности не имела чёткой программы и в основном превратилась в процесс ликвидации предприятий. При этом не повышалась эффективность действующих шахт и разрезов, почти не решались социальные проблемы рабочих. Это способствовало уxo-

ду отраслевых профсоюзов от взаимных обвинений, наблюдалась консолидация их действий с ФНПР.

Борьба шахтёров стала объектом пристального внимания и со стороны оппозиционных общественно-политических партий и движений. Очевидным фактом стала политизация многих акций протеста. Расширился перечень форм борьбы, всё чаще использовались экстремальные. Вместе с тем по таким параметрам, как хронология и география, динамика протестного движения в том году имела неравномерный характер. Она была наиболее заметна в начале 1994 г. (особенно в Приморье) и его последние месяцы (Кузбасс).

Первые месяцы 1994 г. ознаменовались серией резонансных выступлений. Ключевую роль в их организации играл Росуглепроф. Высокую степень активности показывали местные ячейки этого профсоюза, особенно в Приморье, Кузбассе и Российском Донбассе. Наиболее напряжённым стал март, когда Росуглепрофом были проведены две всероссийские акции протеста рабочих угольной промышленности. Их главным требованием являлось погашение Правительством РФ бюджетной задолженности. 1 марта 1994 г. в общероссийской забастовке приняли участие «249 шахт и разрезов (80%), 157 обогащательных фабрик, заводов, погрузочно-транспортных управлений и шахтостроительных организаций и 495 тыс. шахтёров» [17. С. 4].

Между тем данная стачка была во многом условной. Директора предприятий послушно сообщали, что шахты бастуют, а рабочие продолжали трудиться. Требования бастующих не были выполнены, поэтому вопрос о новых коллективных выступлениях оставался актуальным. Вскоре Росуглепроф изменил тактику протестных действий. От массовых стачек он перешёл к общешахтёрскому пикетированию Дома Правительства РФ. Оно происходило 30–31 марта 1994 г., участие в данной акции приняли 550 представителей трудовых коллективов страны [23. С. 5].

Под напором организованных действий рабочих угольной промышленности российское правительство увеличило им зарплаты. Однако это активизировало протестные выступления работников бюджетной сферы [24. С. 44]. Поэтому Кремль стал энергичнее использовать широкий арсенал форм и методов нейтрализации протестного движения, в том числе экономического характера. Коллективные выступления стали избегать работники акционерных разрезов и шахтостроители, так как лишились получения средств по ОТС. С 1994 г. всё чаще бастующие коллективы требовали деньги только для себя [25. С. 389–390], редко достигая в своих протестных масштабах даже регионального уровня.

Меняется и отношение к забастовке как средству борьбы, так как она часто являлась поводом к закрытию шахт. Следствием этого стал страх перед забастовкой работников убыточных предприятий; остановка угледобычи стала «привилегией» наиболее рентабельных шахт и разрезов [Там же. С. 389–390].

Разрозненный характер борьбы инициировал распространение новых, в основном экстремальных, форм и методов протеста. В том году вся страна узнала о подземных забастовках, голодовках, массовых демонстрациях, «захватах заложников», угрозах мас-

совых самоубийств и «рельсовых войнах», организованных рабочими угольной промышленности.

Печальный факт «дикого» закрытия в июле 1994 г. шахты «Черкасовская» в Кемеровской области инициировал использование здесь радикальных методов борьбы, к которым не прибегали в других регионах. В августе 1994 г. кузбасские рабочие шахт «им. Вахрушева», «Кыргайская» и разреза «Талдинский-Северный» впервые использовали «рельсовую войну». После четырёхдневного пикетирования железнодорожной ветки от станции погрузки до станции Ерунаково шахтёры на несколько дней перекрыли движение транспорта. Причиной акции протеста стало злоупотребление положением монополиста со стороны железнодорожного цеха. Несмотря на то что дорога не считалась стратегически важной, шахтёры добились поставленной цели [26].

Слабость исполнительной власти была очевидной, поэтому дальнейшее использование шахтёрами «рельсовой войны» как формы протеста не заставило себя долго ждать. Успех прокопьевских и киселёвских горняков воодушевил их товарищей в других углепромышленных городах и посёлках края. Уже осенью того года произошла более массовая акция протеста с использованием методов «рельсовой войны». Забастовка рабочих шахты «Судженская» летом-осенью 1994 г., начавшаяся из-за невыплаты заработной платы, целых два месяца шла обычно. Но это не дало никаких результатов. 5 октября 1994 г. в г. Анжеро-Судженске около 500 человек перекрыли Транссибирскую магистраль на 4,5 часа. Морально акцию поддерживали инженерно-технические работники предприятия, рабочие других шахт города, а также большинство горожан. Перекрытие горняками Транссиба привлекло внимание всей страны и способствовало погашению пятимесячной задолженности по зарплате [25. С. 246–247]. Шахтёры г. Анжеро-Судженска в течение четырёх с половиной часов добились того, чего не могли достичь за четыре месяца цивилизованного противостояния с работодателями.

Таким образом, в 1994 г. горняки приходят к осознанию необходимости использования радикальных форм и методов борьбы, которые показывали пусть и кратковременную, но высокую степень эффективности. Далеко не всегда такой подход поддерживали профсоюзы, что усиливало хаотичность и негативные последствия подобных акций протеста.

1995 г. стал переломным временем в протестном движении российских шахтёров. Заметно возрос удельный вес их участия в забастовках и других формах протеста. Это соответствовало общей тенденции возрастания протестной активности рабочего класса России в то время. Многие негативные явления в социально-экономической жизни россиян, которые в начале «шоковой терапии» казались временным явлением, приобрели угрожающий характер. Бедность и высокая степень социальной дифференциации в обществе дополнились комплексом других острых внутривнутриполитических проблем (распространение терроризма, военные действия в Чечне, дефицит бюджета, разгул преступности и т.д.). Естественные условия

выживания подталкивали людей самостоятельно и активнее отстаивать свои права и интересы.

Рост сопротивления рабочих угольной промышленности непопулярным реформам был обусловлен дополнительными факторами. Во-первых, несмотря на прошедший год с момента начала реструктуризации угольной промышленности, её количественные и качественные показатели продолжали ухудшаться. Во-вторых, в 1995 г. среди большей части горняков уже не было сомнения в том, что главным виновником их социально-экономических проблем является Правительство РФ. В условиях сложной социально-политической обстановки в стране Кремль вынужден был чаще реагировать на шахтёрское движение и идти на компромиссы, что, безусловно, инициировало новые акции протеста. В-третьих, выборы в том году депутатов Государственной Думы РФ явились удобной площадкой демонстрации своих политико-экономических интересов и требований.

Как и начало 1994 г., первые месяцы 1995 г. стали временем возрастания масштабов коллективных выступлений горняков как на региональном, так и общероссийском уровне. Инициатором проведения первой в том году общешахтёрской акции протеста стали горняки Российского Донбасса, которые раньше были мало заметны. 19 января 100 горняков шахты «Западная капитальная» отказались подниматься на поверхность [27. Л. 4]. Такой массовой подземной забастовки российская угольная промышленность ещё не знала. Конфликт уладили, но рабочие были готовы в любой момент возобновить акции протеста.

Через 12 дней (1 февраля) началась стихийная забастовка на шахтах АО «Ростовуголь». В течение двух дней в стачке были задействованы 75 тыс. рабочих, прекратили деятельность все 26 шахт объединения. Рабочие потребовали принятия постановления Кабинета министров по развитию угольной промышленности Российского Донбасса и обеспечения в 1995 г. объёма средств государственной поддержки, необходимого для стабильной деятельности угледобывающих предприятий. Они также настаивали на погашении задолженностей из бюджета за предыдущий и текущий годы, списания штрафов и пени. Выдвинутые бастующими требования 2 февраля поддержал Росуглепроф. На заседании его президиума подчёркивалось, что к этому моменту сумма неплатежей шахтам и разрезам за отгруженную продукцию достигла 2,2 трлн руб., а долг федерального бюджета отрасли составил 1,35 трлн руб. Президиум объявил о проведении 8 февраля 1995 г. отраслевой всероссийской предупредительной суточной забастовки. Впоследствии было объявлено о начале с 1 марта бессрочной забастовки с лозунгами отставки кабинета министров и досрочных выборов Президента РФ [28].

Впервые инициативу Росуглепрофа о проведении всеобщей стачки поддержал НПГ России. Совместные действия шахтёрских профсоюзов привели к тому, что 8 февраля остановилось 80% угольных предприятий России. Бастовали 189 шахт и 28 разрезов, 91 смежное предприятие и 474 тыс. работников отрасли [19. С. 4; 29. Л. 12]. Наиболее активное участие в забастовке приняли

трудящиеся Кузбасса, причём не только угледобывающих предприятий. В тот день отказались от работы около 200 тыс. рабочих, 75 шахт, разрезы, обогатительные фабрики, автобазы, машиностроительные заводы. В крае не бастовали только три шахты [30]. В большинстве случаев кузбасские горняки не просто прекратили отгрузку угля потребителям, но и не приступили к добыче угля. Проводились только необходимые для поддержания жизнеспособности шахт работы. По некоторым параметрам, например по количеству участников, это выступление было мощнее того, что произошло 17 июля 1989 г., когда наблюдался пик забастовочной активности на предприятиях угольной промышленности края, и так напугало высшие эшелоны власти Кемеровской области и СССР.

Акция 8 февраля проходила во время утверждения бюджета на 1995 г. и, несомненно, сыграла на руку лоббирующей угольной группировке в Правительстве РФ и парламенте. Начались срочные переговоры с кабинетом министров, который предпринял ряд действий по сокращению задолженности перед шахтёрами, а также исполнению своих обязательств перед отраслью. В частности, была направлена делегация в Приморье с целью выяснить и устранить причины неплатежей. Кроме того, были выполнены требования профсоюзов об обязательном перечислении половины поступающих в отрасль средств в фонд заработной платы. Главный исполнительный орган страны изыскал средства для обеспечения финансирования отрасли в размере 10 трлн руб. в год вместо обещанных ранее 6,3 трлн руб. [28]. Точечные финансовые вливания позволили сбить рост напряжённости и в других шахтёрских регионах. Однако по всей стране некоторые угледобывающие предприятия продолжили забастовки и после 8 февраля.

События начала февраля 1995 г. ещё раз показали несогласованность действий шахтёров. Не все углепромышленные территории приняли активное участие в общероссийской акции протеста. Очевидной была локализация протестного движения. Это довольно быстро показала попытка организации 1 марта общероссийской забастовки горняков, которая, в общем, не состоялась. Кроме Воркуты, другие территории так и не «встали» [31. С. 6].

При этом напряжённость в трудовых коллективах не только сохранялась, но и возрастала. Особенно это было заметно по ситуации в Приморском крае. Здесь начиная с 1 марта шахты работали «в лихорадочном ритме». Из 10 шахт восемь периодически прекращали добычу угля, протестуя против задержек зарплаты. Со временем из экономических требования бастующих переросли в политические. Поводом к массовым выступлениям шахтёров Приморья стало отсутствие какого-либо внимания органов власти и управления даже к экстремальным акциям протеста. В конце марта 27 горняков объявили бессрчную голодовку на шахте «Авангард» [32. Л. 7]. 7 апреля некоторые из них были подняты на поверхность в очень тяжелом состоянии. За день до того началась региональная забастовка шахтеров. Прекратили работу предприятия шахтоуправления Артема, Партизанска, Липовцов, Тавричанки, а также два разреза компании «Приморск-

уголь» – Лучегорский и Павловский. Фактически все предприятия угольной промышленности выступили единым фронтом, к их акциям протеста присоединились другие предприятия края [28].

Почувствовав размах и масштабность намеченной на 12 апреля 1995 г. приморскими профсоюзами межотраслевой акции протеста, федеральные органы власти и ведомства накануне начали масштабное перечисление средств на выплату долгов в бюджетные организации, на предприятия оборонной и угольной промышленности [33. Л. 28]. Это позволило стабилизировать обстановку в беспокойном регионе.

К тому времени акции протеста горняков распространились в соседней – Сахалинской – области. 21 апреля часть рабочих шахты «Тельновская» отказались подниматься на поверхность, выдвинув условие немедленной выплаты заработной платы, которую задерживали с декабря 1994 г. Горняки потребовали прибытия представителей Правительства РФ, так как не верили в возможность решения данного вопроса на местном и даже региональном уровне. Их поддержали рабочие ещё пяти шахт (из 11 в регионе). Главным требованием бастовавших шахтёров также была ликвидация задолженности по заработной плате. Правительство РФ тогда довольно быстро пошло навстречу требованиям рабочих, госкомпания «Росуголь» почти полностью выполнила свои обязательства перед ними, значительную помощь оказывала администрация области [28]. После этого протестная активность шахтёров Дальнего Востока пошла на спад, но вскоре о себе напомнили другие территории.

Летом 1995 г. центром протестного движения стал Кузбасс. Здесь в июле и августе прошли забастовки на угольных предприятиях Прокопьевска и Киселёвска. Самую заметную акцию протеста тогда устроили 147 рабочих «Киселёвской», которые разместились в подземном складе взрывчатых веществ и угрожали подорвать шахту. Ситуация в крае несколько стабилизировалась в сентябре, когда начались коллективные переговоры с участием руководства угольной промышленности России [34. С. 232–233]. Поэтому всекузбасская акция протеста 12 октября, которую рассматривали в качестве повода к всероссийской забастовке, быстро прекратилась, фактически ничего не достигнув.

Погасив шахтёрские выступления в Кузбассе, Правительство РФ оказалось не готовым к акциям протеста в других регионах. Относительно летнее затишье разорвалось мощным социальным взрывом в сентябре, когда стихийные забастовки шахтёров совпали с организованной всероссийской забастовкой учителей. Высокую протестную активность тогда показывал Печорский угольный бассейн. Самая заметная акция произошла 25 сентября 1995 г., когда около 50 рабочих шахты «Промышленная» отказались подниматься на поверхность по причине несогласия с методами, которые использовала администрация при ликвидации убыточного предприятия. К ним присоединились 17 голодавших женщин с требованием повышения зарплаты и социальных гарантий при ликвидации шахты [28] и т.д. Многие шахтёрские коллективы страны тогда заняли выжидательную позицию.

В условиях нарастания стихийных акций протеста на предприятиях угольной промышленности Росуглепроф был вынужден рассмотреть вопрос о проведении всероссийской политической стачки. Между тем 30 ноября руководство Росуглепрофа и НПГ России приняли решение воздержаться от её проведения и ограничиться пикетами у зданий местных администраций [Там же]. На тот момент шахтёрские профсоюзы, в общем, не желали открытой конфронтации с властью, ещё надеясь на конструктивный диалог с ней.

Подводя итог анализу развития протестного движения шахтёров в 1995 г., отметим наличие парадоксальной ситуации. В течение года общее количество забастовок и других акций протеста динамично возросло, но при этом действительно общероссийских, резонансных было мало. Инициатива забастовочного движения переходила от одного углепромышленного региона к другому. Застрельщиками стачечного движения являлись те шахтёрские коллективы, где наблюдалась самая высокая задолженность по зарплате. Но как только Правительство РФ гасило зарплатную задолженность бастующему коллективу, от всероссийской рабочей солидарности оставалась только моральная поддержка. В целом горняками и их представительными органами продолжалось использование в протестном движении оборонительной, а не наступательной тактики.

Ситуация вялотекущего конфликта в общем устраивала все институты, вовлечённые в решение основных вопросов угольщиков, – Правительство РФ, профсоюзы, госкомпанию «Росуголь» и директорский корпус. Однако она не устраивала шахтёров и их семьи. Неудивительно, что многие из них на парламентских выборах поддержали КПРФ. Это стало сигналом не столько коммунистам, сколько отраслевым профсоюзам, которые вели разрозненную и малоэффективную деятельность по отстаиванию жизненно важных интересов рабочих.

Отсутствие системных сдвигов в решении вопросов угольщиков стимулировало дальнейшую радикализацию форм и методов шахтёрских протестов. Между тем шахтёрская решительность не воспринималась в обществе однозначно положительно. В 1995 г. более трети россиян опасались развязывания гражданской войны [35. С. 42]. Они настороженно относились к любым процессам, подрывавшим политическую стабильность, особенно к массовым и радикальным акциям протеста. Поэтому забастовки оставались главным оружием горняков. Их рост стал очевиден в конце 1995 г., а следующий – 1996 – г. стал пиковым в использовании шахтёрами данной формы протеста, несмотря на незначительный, но всё-таки общий спад стачечного движения рабочих в России.

В 1996 г. забастовочной активностью выделялись ведущие углепромышленные регионы. Количество забастовок в Республике Коми по сравнению с предыдущим годом возросло в 12 раз, в Кемеровской области – в 8 раз, в Ростовской области – более чем в 2 раза [36. С. 160–161]. Увеличение данных показателей произошло, прежде всего, за счёт роста стачечного движения шахтёров. Ключевым фактором усиле-

ния протестной динамики явилось то, что территориальные интересы отодвинули на задний план все остальные противоречия между руководством предприятий и профсоюзами. Они выступили единым фронтом [37. С. 34], всё чаще прибегая к региональным и общероссийским акциям протеста.

Динамика забастовочной активности горняков в 1996 г. имела ярко выраженный синусоидальный характер, что во многом было связано с главным политическим событием в стране – выборами Президента РФ. Наиболее высокие показатели роста остановок угледобывающих предприятий приходится на начало и конец года. Летом всё внимание шахтёров было приковано к выборам, с которыми связывались надежды на политическое решение экономических вопросов угледобытчиков.

В начале года увеличилось количество акций протеста, ориентированных на непосредственную апелляцию своих требований к Президенту РФ Б. Ельцину. В углепромышленных регионах массовое распространение стали принимать экстремальные акции протеста, в том числе сухие и подземные голодовки [38. Л. 58]. Отсутствие должной реакции органов власти и управления на региональные протесты шахтёров привело к небывалому по своим масштабам пикетированию здания Правительства РФ, которое длилось с 23 по 25 января 1996 г. В нём участвовали около 9 тыс. горняков, которые представляли разные регионы страны. Одним из главных требований пикетчиков была встреча с Президентом России. Пикетирование хоть и привлекло к себе внимание, но должного эффекта не дало. Правительство ограничилось подписанием протокола и обещанием выделить отрасли в январе 600 млрд руб., а также увеличить госдотацию угольщикам на текущий год с 7,4 до 10,4 трлн руб. [25. С. 213; 39. Л. 37; 40]. Горняки остались не удовлетворены правительственными обещаниями и продолжили своё давление на власть.

1–2 февраля 1996 г. была проведена общероссийская стачка шахтёров, которая совпала с всероссийской забастовкой работников образования. Была проявлена высокая степень солидарности. В акции протеста приняли участие труженики 164 шахт, 28 разрезов, 15 обогательных фабрик, 24 машиностроительных и ремонтно-механических заводов, 30 погрузочно-транспортных предприятий и 29 шахтостроительных организаций. Общая численность бастующих составила около 500 тыс. человек. Угледобывающие предприятия некоторых шахтёрских городов и посёлков полностью «встали», например г. Инты. Вместе с тем опосредованное участие во всероссийской акции протеста приняли предприятия Пермской и Челябинской областей, Красноярского и Приморского краёв, Хакасии и Якутии [41. Л. 4; 42. Л. 15]. Однако этого оказалось достаточно, чтобы Правительство РФ значительно увеличило средства господдержки отрасли [18. С. 158].

В борьбе за свои права шахтёры всё чаще устраивали различные акции протеста. Весной 1996 г. эпицентр экстремальных форм борьбы находился в Приморском крае, который всё больше терял статус углепромышленного региона. В некоторых шахтёрских

коллективах ситуация была на грани голодного бунта и полного неповиновения. Рабочие открыто заявляли: «Нужны автоматы. Будут автоматы – будем стрелять» [43. Л. 61]. Так как забастовка показывала слабую эффективность, популярной формой протеста в Приморье стала голодовка. Она, как правило, проводилась коллективно и продолжительна. Некоторые государства по длительности составляли 40 смен. Однако если предыдущие акции протеста проходили более организовано, имели резонанс и хоть какой-то результат, то весной 1996 г. всё свелось к отчаянию. Не было прежней организованности, а главное – былой реакции официальных структур [44. С. 1].

Существенных результатов данная борьба не приносила, в том числе и потому, что, за исключением шахтёров, уровень социальных конфликтов на предприятиях других отраслей промышленности оставался низким [45. С. 69]. В то же время Б. Ельцин в ходе предвыборной кампании стал активно использовать популистские методы воздействия, в том числе и на угледобытчиков. Он чувствовал шахтёрские настроения, поэтому не скупился на обещания, подписывал новые указы, сулившие угледобытчикам решение их злободневных проблем.

С энергичной поддержкой кандидатуры Б. Ельцина на пост Президента России выступили руководители угольной отрасли, рабочих комитетов и НПГ России. Они были напуганы ростом популярности КПРФ и возможностью прихода к власти её лидера – Г. Зюганова, поэтому уверяли рабочих в скорых положительных изменениях в деятельности предприятий угольной промышленности. Среди горняков стал отчётливо проявляться соблазн политического союза с Б. Ельциным, количество их забастовок резко пошло на убыль.

Победа Б. Ельцина на президентских выборах 1996 г. немного стабилизировала общественно-политическую ситуацию в стране. Шахтёры надеялись на положительные изменения в политике президента и были готовы ещё «немного потерпеть». Между тем никаких улучшений в экономической и социальной сферах шахтёрских городов и посёлков не происходило.

Меньше всего в ходе предвыборной кампании Б. Ельцину верили шахтёры Приморского края, где весенний подъём протестной активности продолжился и летом. В условиях бездействия профсоюзов проходили стихийные акции протеста. По-прежнему наиболее жаркие события разворачивались в г. Партизанске. Здесь 11 июля на шахте «Центральная» при выходе из клетки один из забойщиков упал, потеряв сознание от недоедания. Через неделю стояли уже все шахты, а 23 июля состоялся общегородской митинг протеста в поддержку требований шахтёров. Их отчаяние объяснялось задолженностью по зарплате. На всех предприятиях города она составляла от трёх до девяти месяцев [46. Л. 94; 47. С. 1]. На профсоюзных собраниях горняков Приморья звучали предложения перекрыть железную дорогу, блокировать аэропорт «Владивосток» и т.п. Стихийно начавшаяся акция протеста шахтёров Партизанска приобрела неожиданный размах. В неё включились угольщики и энергетики не только Приморья, но и других регионов –

Ростовской и Челябинской областей, Красноярского края [48. С. 1].

Новый подъём протестного движения шахтёров совпал с ростом стачечной активности трудящихся других отраслей экономики и бюджетных организаций. Осенью 1996 г. всю страну накрыла волна митингов трудящихся и пенсионеров с требованием отставки Президента и Правительства России. Энергичное участие в них приняли и шахтёры, количество которых порой значительно превосходило численность других категорий трудящихся, задействованных в акциях протеста. Между тем шахтёры продолжали уповать на собственные силы и сохраняли осторожное отношение к совместным выступлениям с представителями других профессий, боясь попасть под чьё-либо влияние. В конце 1996 г. вновь возросла их забастовочная активность. В использовании данной формы протеста выделялась Кемеровская область. 5 ноября 1996 г. в общекузбасской стачке, организованной профсоюзами, приняли участие 160 тыс. человек, в том числе 132 тыс. шахтёров [16. С. 70–71].

Новым явлением в протестном движении рабочих угольной промышленности Кузбасса стало создание профсоюзами предприятий шахтёрских городов и посёлков таких организаций, как комитеты спасения. Трудящиеся вместе «искали правду», обращаясь не только к российским властям, но и к международным организациям (Европарламент, Международная организация труда, Международный комитет по правам человека и др.) [49. С. 120]. Подтверждением усиления совместных действий можно считать дальнейший рост участия горняков в общегородских митингах и демонстрациях.

Высокая общественно-политическая активность кузбасских горняков стимулировала усиление борьбы рабочих в других регионах. В начале декабря был показан высокий уровень шахтёрской солидарности: 86% их предприятий поддержали бессрочную забастовку рабочих [50. С. 74]. Между тем данный порыв превратился в очередную формальность. Результативность стачечного движения даже в конце года оказалась низкой. Шахтёры не сумели показать себя единой, организованной силой. В ходе забастовок использовались разные методы протеста: одни полностью прекращали добычу и отгрузку угля, другие – частично и т.п. Это подрывало доверие.

Натиск рабочих не мог быть долгим, так как отсутствовал забастовочный фонд. Угледобывающие предприятия несли дополнительные экономические потери, некоторые из них были закрыты как нерентабельные. Из-за забастовок шахтёров экономические потери несли предприятия и организации углепромышленных регионов, а в некоторых случаях и всей страны. Поэтому среди бюджетников, особенно рабочих других отраслей, было немало противников стачечной борьбы. В обществе преобладали настроения поиска самостоятельного выхода из кризиса. В этих условиях шахтёрам пришлось менять стратегию и тактику протестного движения, ориентироваться на «безболезненные» для смежных предприятий формы борьбы, например подземные забастовки, голодовки, «рельсовые войны» и т.п.

Таким образом, в течение 1996 г. горнякам удалось вернуть лидерские позиции в протестном движении трудящихся страны. Вместе с тем, несмотря на небывалый рост борьбы, их протестный потенциал оказался недостаточным для решения не только общегосударственных вопросов, но даже фундаментальных проблем угольной промышленности. Прежде всего это показало потерю былой эффективности такой формы протеста, как забастовка, широко использовавшейся в давлении на советское правительство в конце 1980-х гг. Невозможность протестовать посредством экономического давления усилило политизацию социально-трудовых конфликтов в угольной промышленности.

В историографии вопроса имеется мнение о том, что «протестная активность шахтёров слабела, а с 1997 г. они полностью уступили своё лидерство в рабочем движении» [51. С. 135]. Однако с ним сложно согласиться. Несмотря на уменьшение в 1997 г. числа забастовок на предприятиях угольной промышленности, в том году заметно усиливается протестное движение горняков. Те же стачки стали значительно более длительными и напряжёнными. Например, продолжительные остановки угледобычи провели рабочие одного из крупнейших в стране разрезов «Коркинский» (Челябинская область), а также кузбасской шахты «Киселёвская» [4. С. 16].

На углубление социально-экономических проблем шахтёрских городов и посёлков влияли такие факты, как дальнейшее снижение угледобычи, существенное увеличение количества шахт, подлежащих закрытию по плану реструктуризации, рост безработицы, отсутствие эффективной социальной защиты и т.д. Кроме того, в 1997 г. по сравнению с 1996 г. в отрасли значительно выросло число случаев смертельного травматизма, что ещё больше озлобляло горняков, толкало их на крайние поступки. Заметно возросло и забастовочное движение в стране, которое подчёркивало общность социально-экономических проблем россиян. Всё-таки ключевой причиной положительной динамики протестного движения явился рост объёмов задолженностей по шахтёрским зарплатам, которые доходили до 10 месяцев [52. Л. 5].

Дополнительным ударом по уровню жизни россиян стал финансово-экономический кризис, который в первую очередь обострил обстановку в сырьевых регионах страны. Реальной угрозой многим шахтёрским семьям стали голод и нищета, что привело к активизации действий оппозиционных общественно-политических сил. Давление на власть усилили не только левопатриотические партии и организации, но и вчерашние союзники Б. Ельцина – олигархи. Располагая значительными финансовыми средствами, они стали инвестировать в политику протеста и дискредитацию реформистской власти. Главным инструментом их борьбы стали подконтрольные средства массовой информации [53. С. 323].

Если зимой 1997 г. наблюдалось некоторое затишье, то весной началось резкое усиление социальной напряжённости во всех шахтёрских регионах России, особенно в Кузбассе и Печорском угольном бассейне.

Надежды на конструктивное вмешательство Б. Ельцина в решение вопросов угольной промышленности полностью развеялись. Горняки стали менять свои политические ориентиры, спланировать вокруг себя всех трудящихся. Во многом этому способствовали усилия отраслевых профсоюзов и рабочих комитетов, которые изменили своё отношение к вновь избранному президенту.

Широкую популярность среди шахтёров приобрели радикальные формы и методы борьбы. Центрами шахтёрской борьбы стали моноотраслевые депрессивные города и посёлки (Инта, Анжеро-Судженск, Прокопьевск, Шахты, Партизанск и др.), где имелаась напряжённая ситуация с выплатой зарплаты и трудоустройством безработных горняков. Усиление протестной активности в данных населённых пунктах стало следствием и приобретённого ими опыта борьбы.

Высокую активность весной 1997 г. показывали шахтёры г. Анжеро-Судженска. В апреле они вновь перекрыли Транссибирскую магистраль, потребовав выплаты задолженности по зарплате. Хотя их требования были выполнены, борьба продолжилась. Горняки объединили вокруг себя трудящихся других предприятий города и 13 мая 1997 г. обратились к трудовым коллективам Кузбасса с призывом «отказаться от стихийных и разрозненных протестов, которые приносят выгоду только властям, и перейти к коллективной борьбе за свои гражданские права и требования» [54. Л. 68]. С того момента стала готовиться всекузбасская акция протеста трудящихся (бессрочная забастовка), которая могла иметь широкий общественный резонанс, так как в других углепромышленных регионах шахтёры были готовы к решительным действиям. Только смена главы областной администрации в июле 1997 г. приостановила масштабную акцию протеста.

Органы власти и управления сумели погасить пламя разраставшегося протеста не только в ведущем угольном бассейне страны, но и на других шахтёрских территориях. Наиболее значимыми причинами, снизившими давление горняков в середине 1997 г., явились следующие. Во-первых, повысился уровень партнёрского сотрудничества в разрешении конфликтных ситуаций на предприятиях угольной промышленности. Низкую протестную активность в то время показывали шахтёры Российского Донбасса. Руководству крупнейшей в регионе угольной компании – ОАО «Ростовуголь», – удалось договориться с ними о принятии моратория на проведение массовых акций протеста [55. Л. 18]. Рабочие пошли на это соглашение, так как руководители компании упрекали

их в тяжёлых экономических последствиях забастовок и других акций протеста. Во-вторых, в экономике страны наблюдался хоть и не значительный, но всё-таки рост промышленного производства. В-третьих, заметный рост забастовочного движения в стране имел относительный успех. В 1997 г. число бастующих немногим превышало 1% работающих [56. С. 9]. То есть количество россиян, принимавших реальное участие в отстаивании своих трудовых прав, было значительно меньше, чем недовольных социально-экономической политикой Правительства РФ.

Некоторая стабилизация динамики протестного движения шахтёров во второй половине 1997 г. оказалась недолгой. В конце рассматриваемого периода стала нарастать напряжённость в Кемеровской области. Вновь в центре шахтёрских выступлений оказался г. Анжеро-Судженск. В декабре 1997 г. горняки этого города в очередной раз перекрыли Транссиб. Совместными усилиями органов власти и отраслевого управления социально-трудовой конфликт удалось быстро погасить. Однако обстановка в крае сохраняла взрывоопасный характер. Рост напряжённости в то время наблюдался и в других шахтёрских регионах. Между тем акции протеста имели ярко выраженный кратковременный и локальный характер. По мнению авторитетных экспертов, в то время шахтёры так и не стали признанным «авангардом борьбы рабочего класса» [4. С. 17; 57. С. 12–13].

Таким образом, в 1997 г. происходило не так много массовых и солидарных выступлений шахтёров за свои трудовые права, как в предыдущие два года. Однако увеличение количества радикальных акций протеста с высокой степенью демонстрационности свидетельствует о переходе к крайним методам борьбы. Соответственно, можно утверждать не о спаде шахтёрской борьбы, а о трансформации её стратегии и тактики. Возникшая уже в первые дни 1998 г. новая мощная волна протестного движения указывает на условное затишье во второй половине 1997 г.

Итак, подъём протестного движения шахтёров России в 1992–1997 гг. протекал неоднородно. Рост количества акций протеста и их масштабов часто сменялся спадом и локализацией борьбы. Имели место факты формального участия трудовых коллективов в совместных выступлениях. Тем не менее в течение этих шести лет рабочим угольной промышленности удалось приблизиться к тем возможностям давления на власть, которые они имели в конце 1980-х гг. К началу 1998 г. сформировалась достаточная для мощного шахтёрского взрыва социально-экономическая и политическая база.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордон Л.А. Очерки рабочего движения в постсоциалистической России: субъективные наблюдения, соединённые с попыткой объективного анализа промежуточных результатов исследования. М., 1993.
2. Лопатин Л.Н. Шахтёры и «начальство» о рабочем движении Кузбасса в 1989–90-е гг.: к 20-летию забастовки (Историография. Анализ. Мнения). Кемерово, 2009.
3. Максимов Б.И. Рабочие в реформируемой России, 1990-е – начало 2000-х годов. СПб., 2004.
4. Булавка Л.А. Нонконформизм: социокультурный портрет рабочего протеста в современной России. М., 2004.
5. Воронин Д.В. Протестные выступления в Кузбассе в 90-х гг.: смена парадигм // Проблемы истории Кузбасса. Прокопьевск, 2002.
6. Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах при структурной перестройке угольной промышленности России. М., 1998.
7. Pleines H. Die postsowjetische Strukturkrise der russischen Kohleindustrie // Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. Köln, 1999 (Berichte / BIOst 19-1999). URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ss0ar-44049> (дата обращения: 23.06.2016).
8. Задорин И.В., Стребков Д.О. Массовый протест в России во второй половине 1990-х годов: влияние экономических факторов // Полития. 1999–2000. № 4 (14).

9. Воронин Д.В., Воронина Н.В. Голоса шахтёров 90-х. Томск, 2013.
10. Иваненко Э. Денег поступает недостаточно // На-гора!: газета профсоюза работников угольной промышленности. 1992. № 23. 8 июля.
11. Шестакова И. Мы на пороге новой забастовки? // В бой за уголь. 1992. 16 июня.
12. Письмо трудового коллектива шахты «Воргашорская» заместителю премьера РФ г. Шумейко В.Ф., 22.04.93 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5669.
13. Ильин В.И. Власть и уголь: шахтерское движение Воркуты (1989–1998 годы). Сыктывкар, 1998.
14. Пикетчики встретились с премьером В. Черномырдиным // В бой за уголь. 1993. 1 июля.
15. Мохначук И. Забастовкой проблем не решить // На-гора! 1993. № 6, март.
16. Забастовки. Зарубежный и отечественный опыт / Ю.Н. Миловидова, А.Н. Крестьянинова. М., 1998.
17. Коллективные действия Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности // Текущий архив Независимого профсоюза работников угольной промышленности (Росуглепроф).
18. Катальников В.Д., Кобяков А.А. Уголь и шахтеры в Государстве Российском: экономический и социально-исторический аспекты. М., 2004.
19. Смирнов С., Исаев Н. Социальная политика: новый курс // Вопросы экономики. 1999. № 2.
20. Сумароков В., Шахов В. Коми на переломе. 10 лет, которые потрясли республику. Сыктывкар, 2013.
21. Голяев А. Не подмешивать уголь в политику // Известия. 1993. 9 дек.
22. Pleines H. Der politische Einfluss der Kohlelobbies in Polen, Russland und der Ukraine: Eine vergleichende Politikfeldanalyse. Bremen : Arbeitspapiere und Materialien – Forschungsstelle Osteuropa, 2006. № 79.
23. Ковальская Г. Шахтеры и президент // Новое время. 1994. № 11, март.
24. День шахтера (реструктуризация угольной промышленности глазами участников и журналистов). М., 2004.
25. Борисов В.А. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтёрского движения за 1989–99 гг.). М., 2001.
26. Васильев В. Шахтеры уступили дорогу поездам // Кузбасс. 1994. 9 авг.
27. Протокол расширенного президиума Ростовского территориального комитета независимого профсоюза работников угольной промышленности, г. Шахты, 21.01.1995 г. // Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области. Ф. Р-1127. Оп. 2. Д. 23.
28. Букетов К. Коллективные действия профсоюзов и стачечное движение в России в 1995 г. URL: http://www.libelli.ru/magazine/96_1/1_96_2_7.htm (дата обращения: 24.09.2015).
29. О поддержке требований шахтёров России и Дона: постановление Ростовской областной организации КПРФ от 11.02.1995 г. // Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 3703. Оп. 1. Д. 14.
30. Кладчихин В. Шахтёры оказались дружнее, чем хотелось бы властям. Если от властей не последует столь же дружная помощь, весной может похолодать // Кузбасс. 1995. 10 февр.
31. Моржаретто И., Беляков А. Шахтеры учатся политике // Аргументы и факты. 1995. № 11 (март).
32. Справка о состоянии и мерах по выходу из кризисного положения угольной промышленности Приморского края, 31 марта 1995 г. // Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 163.
33. Стенографический отчёт II отчётно-выборной конференции Федерации профсоюзов Приморского края от 29 ноября 1995 г. // ГАПК. Ф. Р-1186. Оп. 3. Д. 396.
34. Угольный Кузбасс: страницы истории. Кемерово, 2005.
35. Кацва А.М. Массовый протест в социально-трудовой сфере. Коллективные действия наемных работников в современной России: истоки, проблемы и особенности. М.: СПб., 2002.
36. Российский статистический ежегодник. 2003 : стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003.
37. Борисов В.А. Чем заняться за Полярным кругом? Начало реформ в Воркуте // Социс. 1996. № 10.
38. Телеграмма председателя Законодательного Собрания Кемеровской области А. Тулеева Президенту РФ Б. Ельцину // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 6695.
39. Постановление президиума Приморского территориального комитета профсоюза работников угольной промышленности // ГАПК. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 170.
40. Конев М. Забастовка: почему пошли на нее? // Южный Кузбасс: газета акционерной компании «Кузнецкуголь». 1996. 6 февр.
41. Протокол VI конференции Интинской ассоциации профсоюзных организаций работников угольной промышленности от 5 февраля 1996 г. // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1726. Оп. 1. Д. 893.
42. Справка о результатах забастовки, проведенной трудовыми коллективами предприятий угольной отрасли 1–2 февраля 1996 г. // ГАПК. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 173.
43. Протокол № 12 заседания президиума Приморского территориального комитета профсоюза работников угольной промышленности от 16.02.96, г. Владивосток // ГАПК. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 170.
44. Качаев А. Сорок смен под землей. Такова цена обещаний Бориса Ельцина // Красное Знамя (Владивосток). 1996. 30 марта.
45. Клемент К. Предпосылки коллективных акций протеста на предприятиях // Социс. 1996. № 9.
46. Письмо Главы администрации г. Партизанска В. Бандюкова Президенту РФ Ельцину Б.Н. и др., г. Партизанск, 10.11.1996 г. // Архив Партизанского городского округа. Ф. 1. Оп. 2. Д. 921.
47. Качаев А. Пора идти на рельсы? На вопрос голодного ребенка: «Папа, ты принес деньги?», – шахтеру Партизанска ответить нечего вот уже шестой месяц // Красное Знамя. 1996. 27 июля.
48. Качаев А. Победит ли благоразумие? // Красное Знамя. 1996. 8 авг.
49. Борисов В., Бурнышев К. Кузбасс: дым перед большим огнем // ЭКО. 1997. № 9.
50. Чурашев В., Плешкова Л. Есть ли будущее у российского угля? // ЭКО. 1997. № 2.
51. Чувашова Н.И. Социально-политические конфликты в российском обществе. Архангельск, 2005.
52. Протокол конференции трудовых коллективов угольных предприятий г. Прокопьевска (19 мая 1998 г.) // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 340.
53. Лопатников Л.И. Перевал: из истории рыночных реформ в России. М.: СПб., 2006.
54. Обращение забастовочных комитетов предприятий города Анжеро-Судженск к трудовым коллективам и жителям Кемеровской области // Государственный архив Кемеровской области. Ф. Р-1311. Оп. 3. Д. 20.
55. XII Ростовская территориальная отчетно-выборная конференция. Постановление. 28 апреля 1998 г. // Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области. Ф. Р-1127. Оп. 2. Д. 52 (а).
56. Левада Ю. Человек недовольный: протест и терпение // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 6 (44), ноябрь–декабрь.
57. Donova I., Burnyshev K., Vinokurova O. Bergbauproteste im Kuzbass. Das Jahr des Schienenkrieges in Fallstudien Petr Bizyukov // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. Köln, 1999. № 36.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 июля 2016 г.

THE GROWTH OF MINERS' PROTESTS IN THE POST-SOVIET RUSSIA (1992–1997)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 411, 126–137.

DOI: 10.17223/15617793/411/18

Igor S. Solovenko, Yurga Institute of Technology, TPU Affiliate (Yurga, Russian Federation). E-mail: solovenko71@mail.ru

Keywords: Russia; miners; protests; growth.

The article deals with the causes, facts and trends of the rise of the protest movement of miners in post-soviet Russia. There is no doubt that negative consequences of the “shock therapy” announced in 1992 were at the heart of the growing dissatisfaction of the coal industry workers. It led to a sharp deterioration of the socio-economic problems. Their natural result was protests widespread among the working and the retired people. Fairly quickly the vanguard of the struggle with the government returned to miners. The period of 1992 to 1997 was the time of the rise of the protest movement. The analysis of its dynamics is the main aim of the study. The analysis of archival documents and literature has shown that the formation of the socio-economic and the political discontent of the coal industry workers took place gradually and unevenly. First, the growth in the number of protests and in their scale often gave way to a decline and localization of the struggle. It would be particularly noticeable in the regions with a high concentration of important coal-mining enterprises. However, the dynamic degradation of the coal industry and other-worldly growth of wage arrears seriously stimulated protests and speeches among the absolute majority of miners. The article emphasizes that from scattered strikes and other subtle protests, which were about social and economic demands, miners came to the all-Russian strikes and radical methods of struggle against the government and the President of the Russian Federation. They were able not only to noticeably organize themselves, but also to create conditions for cross-sectoral actions. According to the author, a turning point in the protest movement of the Russian miners was 1995. Since then, the proportion of miners’ participation in strikes and other forms of protest increased significantly. Miners managed to regain their leading position in the protest movement of the working people of the country. However, the effectiveness of the nationwide strikes had relative success: the situation in the coal industry was complicated, the growth of miners’ wage arrears continued. Therefore, workers were more likely to put forward political demands and use radical methods of struggle, and their actions often lost a controlled character. The dynamics of the struggle was influenced by the Russian presidential elections in 1996. They moderately stabilized the situation, but not for long. In the last years of the considered period, miners started using such radical forms of protest as “hostage-taking”, blockade of major highways and even suicide. At the same time neutralizing the miners’ struggle was increasingly difficult for the Kremlin. The final conclusion is that in 1992–1997 workers of the coal industry managed to come close to the mechanisms of pressure on the government they had in the late 1980s. In 1998 the sufficient social-economic and political basis for a powerful outburst of miners’ struggle was formed.

REFERENCES

- Gordon, L.A. (1993) *Ocherki rabochego dvizheniya v poslesotsialisticheskoy Rossii: sub"ektivnye nablyudeniya, soedinennyye s popytkoy ob"ektivnogo analiza promezhutochnykh rezul'tatov issledovaniya* [Sketches of the labor movement in post-socialist Russia: subjective observations, connected with an attempt to objective analysis of interim results of the study]. Moscow: IMEMO RAN, Russko-Amerikanskiy Fond profsoyuznykh issledovaniy i obucheniya.
- Lopatin, L.N. (2009) *Shakhtery i "nachal'stvo" o rabochem dvizhenii Kuzbassa v 1989–90-e gg.: k 20-letiyu zabastovki (Istoriografiya. Analiz. Mneniya)* [The miners and the “bosses” of the labor movement in Kuzbass in 1989–1990s: the 20th anniversary of the strike (Historiography. Analysis. Opinions)]. Kemerovo: Kemerovo State Medical Academy.
- Maksimov, B.I. (2004) *Rabochie v reformiruemoy Rossii, 1990-e – nachalo 2000-kh godov* [Workers in the reformed Russia, 1990s – early 2000s]. St. Petersburg: Nauka.
- Bulavka, L.A. (2004) *Nonkonformizm: sotsiokul'turnyy portret rabochego protesta v sovremennoy Rossii* [Nonconformism: socio-cultural portrait of workers' protest in contemporary Russia]. Moscow: Editorial URSS.
- Voronin, D.V. (2002) [Protests in the Kuzbass in the 1990s: a paradigm shift]. *Problemy istorii Kuzbassa* [Problems of history of Kuzbass]. Proceedings of the conference. Prokopyevsk: Prokopyevsk branch of Tomsk State University. (In Russian).
- Popov, V.N. & Rozhkov, A.A. (1998) *Sotsial'nye problemy v ugledobyvayushchikh regionakh pri strukturnoy perestroyke ugol'noy promyshlennosti Rossii* [Social problems in the coal-mining regions with the restructuring of the coal industry of Russia]. Moscow.
- Pleines, H. (1999) *Die postsowjetische Strukturkrise der russischen Kohleindustrie* [The post-Soviet structural crisis of the Russian coal industry]. Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. (Berichte / BIOst 19-1999). [Online] Available from: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssor-44049>. (Accessed: 23rd June 2016).
- Zadorin, I.V. & Strebkov, D.O. (1999–2000.) *Massovy protest v Rossii vo второй polovine 1990-kh godov: vliyaniye ekonomicheskikh faktorov* [Mass protests in Russia in the second half of the 1990s: the impact of economic factors]. *Politika*. 4 (14).
- Voronin, D.V. & Voronina, N.V. (2013) *Golosa shakhterov 90-kh* [The voices of the miners of the 1990s]. Tomsk: Prokopyevsk: Prokopyevsk branch of Tomsk State University.
- Ivanenko, E. (1992) *Deneg postupaet nedostatochno* [The coming money is not enough]. *Na-gora!* 23. 8 July.
- Shestakova, I. (1992) *My na poroge novoy zabastovki?* [Are we on the threshold of a new strike?]. *V boy za ugol'*. 16 June.
- State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10200. List 4. File 5669 *Pis'mo trudovogo kolektiva shakhty "Vorgashorskaya" zamestielyu prem'era RF g. Shumeyko V.F., 22.04.93 g.* [Letter of the staff of the Vorgashorskaya mine to Deputy Prime Minister V.F. Shumeyko, 22.04.1993].
- Il'in, V.I. (1998) *Vlast' i ugol': shakhterskoe dvizhenie Vorkuty (1989–1998 gody)* [Power and coal: the miners' movement in Vorkuta (1989–1998)]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.
- V boy za ugol'. (1993) *Piketchiki vstretilis' s prem'erom V. Chernomyrdinom* [The protesters met with Prime Minister V. Chernomyrdin]. *V boy za ugol'*. 1 July.
- Mokhnachuk, I. (1993) *Zabastovkoy problem ne reshit'* [Strike can not solve the problems]. *Na-gora!* 6 March.
- Milovidova, Yu.N. & Krest'yaninova, A.N. (1998) *Zabastovki. Zarubezhnyy i otechestvennyy opyt* [Strikes. Foreign and domestic experience]. Moscow: AT i SO.
- The current archive of the Independent Trade Union of Coal Industry Workers (Rosugleprof). *Kollektivnye deystviya Rossiyskogo nezavisimogo profsoyuza rabotnikov ugol'noy promyshlennosti* [Collective action by the Russian Independent Trade Union of Coal Industry Workers].
- Katal'nikov, V.D. & Kobyakov, A.A. (2004) *Ugol' i shakhtery v Gosudarstve Rossiyskom: ekonomicheskyy i sotsial'no-istoricheskyy aspekty* [Coal and miners in the Russian State: economic, social and historical aspects]. Moscow: Suveniry.ru.
- Smirnov, S. & Isaev, N. (1999) *Sotsial'naya politika: novyy kurs* [Social Policy: a new course]. *Voprosy ekonomiki*. 2.
- Sumarokov, V. & Shakhov, V. (2013) *Komi na perelome. 10 let, kotorye potryasli respubliku* [Komi at the turn. 10 years that shook the republic]. Syktyvkar: Tribuna.
- Golyaev, A. (1993) *Ne podmeshivat' ugol' v politiku* [Do not mix coal and politics]. *Izvestiya*. 9 December.
- Pleines, H. (2006) *Der politische Einfluss der Kohlelobbies in Polen, Russland und der Ukraine: Eine vergleichende Politikfeldanalyse* [The Political Impact of Coal Lobbies in Poland, Russia and Ukraine: A Comparative Policy Analysis]. Bremen: Arbeitspapiere und Materialien – Forschungsstelle Osteuropa.
- Koval'skaya, G. (1994) *Shakhtery i prezident* [Miners and the President]. *Novoe vremya*. 11.
- Yasin, E.G. et al. (eds) (2004) *Den' shakhtera (restrukturizatsiya ugol'noy promyshlennosti glazami uchastnikov i zhurnalistov)* [Miner's Day (restructuring of the coal industry through the eyes of participants and journalists)]. Moscow: Fond “Liberal'naya missiya”.

25. Borisov, V.A. (2001) *Zabastovki v ugol'noy promyshlennosti (analiz shakhterskogo dvizheniya za 1989–99 gg.)* [The strike in the coal industry (analysis of the miners' movement in 1989–99)]. Moscow: ISITO.
26. Vasil'ev, V. (1994) Shakhtery ustupili dorogu poezdami [Miners gave way to trains]. *Kuzbass*. 9 August.
27. Center of Archival Documents Storage in Shakhty, Rostov Oblast. Fund R-1127. List 2. File 23 *Protokol rasshirenogo prezidiuma Rostovskogo territorial'nogo komiteta nezavisimogo profsoyuzov i stachechnoe dvizhenie v Rossii v 1995 g.* [Minutes of the Enlarged Bureau of the Rostov territorial committee of the Independent Union of Coal Industry Workers, 21.01.1995].
28. Buketov, K. (1996) *Kollektivnyye deystviya profsoyuzov i stachechnoe dvizhenie v Rossii v 1995 g.* [Collective action of trade unions and the strike movement in Russia in 1995]. [Online] Available from: http://www.libelli.ru/magazine/96_1/1_96_2_7.htm. (Accessed: 24th September 2015).
29. Documentation Center of the Modern History of Rostov Oblast. Fund 3703. List 1. File 14 *O podderzhke trebovaniy shakhterov Rossii i Dona: postanovlenie Rostovskoy oblastnoy organizatsii KPRF ot 11.02.1995 g.* [Support for the requirements of Russian and Don miners: the decision of the Rostov regional branch of the Communist Party of 11.02.1995].
30. Kladchikhin, V. (1995) Shakhtery okazalis' družnee, chem khotelos' by vlastyam. Esli ot vlastey ne posleduet stol' zhe družnaya pomoshch', vesnoy mozhet pokholodat' [The miners were more friendly than the authorities would like. If the authorities do not follow with friendly care, in spring things can get colder]. *Kuzbass*. 10 February.
31. Morzharetto, I. & Belyakov, A. (1995) Shakhtery uchatsya politike [Miners learn politics]. *Argumenty i fakty*. 11 (March).
32. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-1707. List 1. File 163 *Spravka o sostoyanii i merakh po vykhodu iz krizisnogo polozheniya ugol'noy promyshlennosti Primorskogo kraya, 31 marta 1995 g.* [Information on the status and measures to overcome the crisis situation of the coal industry of Primorsky Krai, March 31, 1995].
33. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-1186. List 3. File 396 *Stenograficheskiy otchet II otchetno-vybornoy konferentsii Federatsii profsoyuzov Primorskogo kraya ot 29 noyabrya 1995 g.* [Opening remarks of the II report-election conference of the Federation of Trade Unions of Primorsky Krai on November 29, 1995].
34. D'yakov, Yu.I. et al. (2005) *Ugol'nyy Kuzbass: stranitsy istorii* [Coal Kuzbass: the pages of history]. Kemerovo.
35. Katsva, A.M. (2002) *Massovyye protesty v sotsial'no-trudovoy sfere. Kollektivnye deystviya naemnykh rabotnikov v sovremennoy Rossii: istoki, problemy i osobennosti* [Mass protest in the social and labor sphere. Collective actions of employees in modern Russia: sources, problems and peculiarities]. Moscow; St. Petersburg: Letniy sad.
36. Sokolin, V.L. (ed.) (2003) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2003* [Russian Statistical Yearbook. 2003]. Moscow: Goskomstat Rossii.
37. Borisov, V.A. (1996) Chem zanyat'sya za Polyarnym krugom? Nachalo reform v Vorkute [What to do in the Arctic Circle? Beginning of reforms in Vorkuta]. *Sotsis*. 10.
38. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10200. List 5. File 6695 *Telegramma predsedatelya Zakonodatel'nogo Sobraniya Kemerovskoy oblasti A. Tuleeva Prezidentu RF B. El'tsinu* [Telegram of Chairman of the Legislative Assembly of Kemerovo Oblast A. Tuleev to Russian President Boris Yeltsin].
39. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-1707. List 1. File 170 *Postanovlenie prezidiuma Primorskogo territorial'nogo komiteta profsoyuzov rabotnikov ugol'noy promyshlennosti* [Resolution of the Presidium of the Primorsky Territorial Committee of Trade Union of Coal Industry Workers].
40. Konev, M. (1996) Zabastovka: pochemu poshli na nee? [Strike, why went on it?]. *Yuzhnyy Kuzbass*. 6 February.
41. National Archive of the Republic of Komi. Fund R-1726. List 1. File 893 *Protokol VI konferentsii Intinskoy assotsiatsii profsoyuznykh organizatsiy rabotnikov ugol'noy promyshlennosti ot 5 fevralya 1996 g.* [Minutes of the VI Conference of Inta Association of Trade Unions of Workers of Coal Industry of 5 February 1996].
42. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-1707. List 1. File 173 *Spravka o rezul'tatakh zabastovki, provedennoy trudovymi kolektivami predpriyatiy ugol'noy otrasli 1–2 fevralya 1996 g.* [Information on the results of the strike carried out by the labor collectives of the coal industry on 1–2 February 1996].
43. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-1707. List 1. File 170 *Protokol 12 zasedaniya prezidiuma Primorskogo territorial'nogo komiteta profsoyuzov rabotnikov ugol'noy promyshlennosti ot 16.02.96, g. Vladivostok* [Minutes of the 12 meeting of the Presidium of the Primorsky Territorial Committee of Trade Union of Coal Industry Workers of 16 February 1996, Vladivostok].
44. Kachaev, A. (1996) Sorok smen pod zemley. Takova tsena obeshchaniy Borisa El'tsina [Forty shifts underground. Such is the price of Boris Yeltsin's promises]. *Krasnoye Znamya* (Vladivostok). March.
45. Clement, K. (1996) Predposylki kolektivnykh aktsiy protesta na predpriyatiyakh [Prerequisites of collective protests in enterprises]. *Sotsis*. 9.
46. Archive of Partizanskiy City District. Fund 1. List 2. File 921 *Pis'mo Glavy administratsii g. Partizanska V. Bandyukova Prezidentu RF El'tsinu B.N. i dr., g. Partizansk, 10.11.1996 g.* [Letter of the Head of Partizansk Administration V. Bandyukov to Russian President Boris Yeltsin et al., Partizansk, 10 November 1996].
47. Kachaev, A. (1996) Pora idti na rel'sy? Na vopros golodnogo rebenka: "Papa, ty prinies den'gi?", – shakhteru Partizanska otvetit' nechego vot uzhe shestoy mesyats [Time to go back on track? Partizansk Miner has nothing to answer the question of a hungry child, "Daddy, did you bring the money?" for sixth months]. *Krasnoye Znamya*. 27 July.
48. Kachaev, A. (1996) Pobedit li blagorazumie? [Will prudence win?]. *Krasnoye Znamya*. 8 August.
49. Borisov, V. & Burnyshev, K. (1997) Kuzbass: dym pered bol'shim ognem [Kuzbass: the smoke before the big fire]. *EKO*. 9.
50. Churashev, V. & Pleshkova, L. (1997) Est' li budushchee u rossiyskogo uglya? [Is there a future for Russian coal?]. *EKO*. 2.
51. Chuvashova, N.I. (2005) *Sotsial'no-politicheskie konflikti v rossiyskom obshchestve* [Socio-political conflicts in Russian society]. Arkhangelsk: Arkhangelsk State Technical University.
52. Archive Department of the Administration of Prokopyevsk. Fund 31. List 1. File 340 *Protokol konferentsii trudovykh kolektivov ugol'nykh predpriyatiy g. Prokop'evska (19 maya 1998 g.)* [Minutes of meeting of the staff of the coal enterprises of Prokopyevsk (19 May 1998)].
53. Lopatnikov, L.I. (2006) *Pereval: iz istorii rynochnykh reform v Rossii* [The pass: from the history of market reforms in Russia]. Moscow; St. Petersburg: Norma.
54. State Archive of Kemerovo Oblast. Fund R-1311. List 3. File 20 *Obrashchenie zabastovochnykh komitetov predpriyatiy goroda Anzhero-Sudzhensk k trudovym kolektivam i zhitelyam Kemerovskoy oblasti* [Address of the strike committees of enterprises of Anzhero-Sudzhensk to labor collectives and the people of Kemerovo Oblast].
55. Center of Archival Documents Storage in Shakhty, Rostov Oblast. Fund R-1127. List 2. File 52 (a) *XII Rostovskaya territorial'naya otchetno-vybornaya konferentsiya. Postanovlenie. 28 aprelya 1998 g.* [XII Rostov territorial report and election conference. Regulation. April 28, 1998].
56. Levada, Yu. (1999) Chelovek nedovol'nyy: protest i terpenie [Discontented Man: protest and patience]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*. 6 (44), November–December.
57. Donova, I., Burnyshev, K. & Vinokurova, O. (1999) Bergbauproteste im Kuzbass. Das Jahr des Schienenkrieges in Fallstudien Petr Bizyukov [Mining protests in the Kuzbass. The year of the rail war in a case study of Petr Bizyukov]. *Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien*. 36.

Received: 24 July 2016